

Фу Юй ждал-ждал, но так и не дождался Ван Цзиси. В конце концов он потерял терпение и вышел из кабинета. Генерал У обещал навестить его сегодня, и он уже приказал приготовить целебный куриный суп с травами. По идее, к этому времени суп должен был свариться, да и генералу У Шаню уже следовало прибыть!

Фу Юй прошел из кабинета в задний сад. Генерал У Шань уже давно ждал его в садовой беседке.

— Я тут тебя целую вечность жду! Где мой куриный суп?

Фу Юй нахмурился:

— Разве суп еще не принесли?

— Чем только заняты люди на вашей кухне? Совсем распустились, я уже проголодался и совсем выбился из сил, а завтрашняя охота...

Фу Юй прямо перебил его:

— Не смей шантажировать меня завтрашней охотой! Даже если ты не захочешь объединяться со мной в команду, у меня все равно найдется способ превзойти тебя! Подумаешь, какая-то миска супа, сейчас я велю кухне сварить хоть десять-двадцать порций, уж этого-то тебе точно хватит!

У Шань усмехнулся и, сменив тон на льстивый, произнес:

— Давно ли я тебя не знаю! В литературном ли искусстве, в боевых ли искусствах — мне с тобой все равно не тягаться! Но, если подумать, здоровье твоего младшего брата-императора с каждым днем становится все хуже и хуже. Советую тебе пораньше обо всем позаботиться!

Фу Юй ничего не ответил. К чему ему готовиться? Приготовить гробок для маленького императора?

— Ты слышишь меня? Я о серьезных вещах толкую, а не шуточки шучу! — повторил У Шань.

Взгляд Фу Юя был прикован к большому раскидистому вязу в саду. Ему померещилось, будто под деревом кто-то лежит. Одежда вроде бы женская, но разве в Резиденции вана найдется столь дерзкая служанка, которая осмелится разлечься в саду среди бела дня и бить баклуши? Приглядевшись получше, он с удивлением узнал в лежащем человеке Ван Цзиси!

— Погоди немного, я сейчас вернусь! — Фу Юй поднялся со скамьи и быстрыми шагами направился к беседке. У Шань не понимал, почему Фу Юй так заторопился, и на всякий случай

последовал за ним, решив, что стряслось что-то серьезное.

Ван Цзиси слегка прищурился, раскинув руки и ноги в форме иероглифа «большой» — как раз наступило самое солнечное, теплое и уютное время суток. Он лениво прикрыл глаза, предаваясь мечтам о счастливой жизни в этом игровом пространстве: думал о том, как разбогатеть, как завести гарем из красавиц, как сделать головокружительную карьеру и подняться по служебной лестнице. Так он мечтал, пуская слюнки, и незаметно заснул — да так крепко, что даже не заметил, как Фу Юй подошел вплотную.

Фу Юй тихонько кашлянул.

Ван Цзиси продолжал спать.

Фу Юй закатал рукава, наклонился и присел на корточки, собираясь щелкнуть его по лбу, но, приблизившись к лицу Ван Цзиси, неожиданно замер.

В этот момент, греясь на солнышке, Ван Цзиси казался ленивым и мягким домашним котом. Его тело выглядело совершенно расслабленным, а кожа по-прежнему сияла белизной. Волосы слегка растрепались; сейчас, лежа здесь в женском платье, он действительно походил на девушку — у Ван Цзиси даже кадыка не было. Единственное отличие от девушек заключалось в том, что во сне он широко раскинул ноги. При ближайшем рассмотрении это выглядело несколько неприлично и совсем не соответствовало подобающей девушке манере сна.

— Кто это... — У Шань подошел и увидел, что Фу Юй караулит спящую на земле девчонку. Не та ли это хагомода, что вела себя так грубо, толкнула его и даже не извинилась? Какими судьбами она здесь оказалась?

Выражение глаз Фу Юя, смотревшего на девушку, было каким-то странным. У Шань и Фу Юй выросли вместе в одной школе, и прежде У Шань никогда не видел, чтобы Фу Юй проявлял хоть к какому-нибудь женскому полу подобную заботу. Более того, сейчас взгляд Фу Юя был нежен, как водная гладь заполненного доверху пруда, в котором отражались мягкие лучи света — если это не взгляд тайного поклонника, то что же тогда?

У Шань намеренно громко произнес:

— Фу Юй, это твоя новая наложница? Почему она такая невоспитанная, среди бела дня улеглась здесь спать?

Не успел У Шань договорить, как Ван Цзиси услышал голоса и испуганно проснулся. Он чмокнул губами, потер глаза и поднялся с земли. Платье его слегка помялось, ворот распахнулся довольно широко, но у Ван Цзиси совсем не было груди — в том месте наряда виднелась сплошная равнина!

У Шань вовсе не собирался разглядывать грудь Ван Цзиси, но плоская есть плоская, как ни маскируй, всё равно плоская. Всё было видно как на ладони. У Шань неприлично громко расхохотался — смеялся он так дико, что аж пальцем тыкал в поднявшегося с земли Ван Цзиси, и сквозь хохот приговаривал:

— Ну и вкусы у тебя, Фу Юй! Тебе нравится такое... да к тому же совершенно плоское! В прошлый раз твоя матушка присмотрела для тебя дочь одного из чиновников — какая у нее была пышная грудь, а ты даже не взглянул! Зато завел себе бесгрудую наложницу. Что это за извращенный вкус? Я чуть со смеху не помер!

Со страшным лицом Фу Юй оттолкнул У Шаня:

— Глаза твои ослепли! Разве ты не видишь, что это мужчина?

Смех У Шаня мгновенно оборвался. Широко распахнув глаза от изумления, он окинул Ван Цзиси пристальным взглядом с головы до ног, но так и не смог определить его пол.

— Хочешь, я развяжу штаны и покажу тебе? — сонно зевая, брякнул Ван Цзиси, и У Шань от неожиданности остолбенел.

— Нет! Только не развязывай штаны! Средь бела дня, под сияющим солнцем бросаться такими словами — какая дикость, какая невоспитанность!

Только что Фу Юй не улыбнулся на слова Ван Цзиси, зато теперь шутка У Шаня про оскорбление приличий рассмешила его. Подумать только: великий столичный генерал — человек столь грубый и далекий от изящных манер, способный даже прямо в зале суда стянуть сапоги — вдруг заговорил о том, что кто-то уронил честь мундира.

— У Шань, с каких это пор ты стал таким утонченным? — Фу Юй сделал особое ударение на слове утонченный. Ван Цзиси тем временем отряхнул одежду и встал в стороне, предвкушая хорошее представление. Он тоже узнал этого мужчину — именно с ним он столкнулся в саду. Уж не этот ли тип пожаловался на него Фу Юю, и теперь хозяин пришел в сад вершить над ним суд?

Однако, поразмыслив, он понял, что дело обстоит иначе: Фу Юй, похоже, был на его стороне!

— Фу Юй! С какой стати ты защищаешь посторонних? Кто тебе ближе — я или он? Переодеться мужчиной в женское платье — какая мерзость, а ты мало того что покрываешь его, так еще и на меня нападаешь! Это просто плевок в душу нашей многолетней братской дружбе! Вспомни, когда ты засыпал на занятиях и учитель заставлял тебя переписывать тексты, кто сидел с тобой ночи напролет за одним столом? А эта... да кто он вообще такой, этот твой приятель, почему ты так его выгораживаешь?

Ван Цзиси тихонько усмехнулся. Ему очень нравилось ставить Фу Юя в неловкое положение: стоило Фу Юю помрачнеть, как у самого Ван Цзиси на душе становилось радостно.

К сожалению, небеса не подарили Ван Цзиси повода для радости. Фу Юй с абсолютно каменным лицом бесстрастно бросил в ответ:

— Потому что он — мой человек!

На этот раз поражен был не только У Шань, но и сам Ван Цзиси. Ему казалось, что их отношения с этим ваном еще не зашли так далеко.

Ван Цзиси возмущенно запротестовал:

— Я никакой расписки о продаже в рабство тебе не подписывал! С какой стати я твой человек?

— Расписка? Разве между нами нужен какой-то документ? Ты разве не подсчитал, сколько мне задолжал? Долга с лихвой хватило бы, чтобы купить в Веселом доме десяток писанных красавиц-служанок! Но я выложил за тебя столько денег лишь для того, чтобы заполнить вот это... да я сам теперь жалею!

Ван Цзиси почувствовал себя так, будто его оглушили тяжелым молотом. Он ведь и в самом деле не подсчитывал свои долги перед Фу Юем!

Но тут же мелькнула мысль: этот хитрый негодяй Фу Юй наверняка с три короба налгал, и сумма долга теперь исчисляется не иначе как тысячами лянов!

— Фу Юй! Я верну тебе все, что должен! Но рабскую грамоту... я ни за что не подпишу! — поклялся Ван Цзиси, защищая свое мужское достоинство. На такое постыдное дело он пойти не мог. К тому же подумаешь — деньги! Разве после того, как он применит здесь, в древности, свой высокотехнологичный ум для скромных изобретений, у него возникнут проблемы с заработком?

— О? Ты настроен столь решительно? Что ж, прекрасно! Верни-ка мне должок прямо сейчас! Я помогу тебе всё подсчитать, — с этими словами Фу Юй достал маленькие счета. — Укладка волос — пятьсот лянов, доставка тебя в столицу — пятьсот лянов, сытный обед — тысяча лянов, и твой сегодняшний наряд — тоже тысяча лянов! Итого три тысячи лянов серебра. Раз уж ты не хочешь у меня отработывать, выкладывай три тысячи лянов!

— Три тысячи лянов?! Ты что, грабежом среди бела дня занимаешься? Где я тебе раздобуду столько денег? — нахмурившись, уставился на Фу Юя Ван Цзиси. Этот тип явно придирался!

— Хочешь сказать, что решил отказаться платить по счетам? — Фу Юй сохранял невозмутимый вид: судя по всему, он искренне считал эти деньги своими и не испытывал ни малейшего

угрызения совести за откровенный грабеж.

А что еще оставалось делать, кроме как отказаться платить? Собери он хоть все свои вещи, Ван Цзиси всё равно не смог бы наскрести такую сумму!

— Ну и откажусь, и что ты мне сделаешь? — храбрясь, выпалил Ван Цзиси. В конце концов, в Поднебесной существовали законы. Недаром говорится: «преступления принца караются наравне с преступлениями простолюдина». Пусть Фу Юй даже ван, мошенничество — дело такое: раз провернул, значит, старался сделать шито-крыто. Ван Цзиси был уверен, что никаких улик против него у Фу Юя на руках нет!

— Эй, стража! Взять этого должника, посмевшего уклониться от уплаты долга! — холодно улыбнулся Фу Юй. У него уж точно нашлось бы средство справиться с тем, кто понимает только кнут! По приказу Фу Юя со всех сторон в сад хлынула толпа людей в доспехах стражников. Каждый держал наготове оружие, и блеск обнаженных клинков мгновенно бросил Ван Цзиси в холодный пот.

— Фу Юй! Ты... что это значит? Думаешь, раз у тебя много людей, так тебе всё дозволено? Я прав во всем, а ты поступаешь подло, применяя силу! Разве в этой стране больше не действуют законы, раз в ней завелся такой наглец и самодур? — в глубине души Ван Цзиси страшно боялся, но виду не подавал, стараясь держаться непреклонно и величественно.

— Запомни раз и навсегда: здесь закон — это я! — Фу Юй словно переродился. Лицо его окаменело, он презрительно глянул на Ван Цзиси и чеканно произнес: — Ты должен был усвоить одно правило: повинующийся процветает, а противящийся погибает. Мое положение сейчас таково, что я стою выше всех подданных, уступая лишь императору, а У Шань — мой самый верный сподвижник! В моих руках сосредоточена вся военная власть, и у любого, кто пойдет против меня, конец будет ужасным. Ван Цзиси, советую хорошенько подумать: подпишешь ты эту расписку или нет?

Горькие слезы навернулись на глаза Ван Цзиси! Да это же чистой воды принуждение к неволе! Влип же он в волчье логовище!

— Согласен! Согласен я, доволен? Прикажи им убрать оружие, а потом уже поговорим! — Ван Цзиси отличался величайшей трусостью, и связываться с таким человеком, как Фу Юй, он не смел.

Жизнь в миру полна опасностей — ну подумаешь, попался! Подумаешь, придется потерпеть! Обидно лишь одно: в кошельке пусто!